

Владимир Круглов
*Некоторые вехи моей жизни
и войны*

Воспоминания ветерана

Владимир Васильевич Круглов
Некоторые вехи моей жизни и войны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11826908

ISBN 978-5-4474-2281-3

Аннотация

Полковник Круглов начинал Великую Отечественную войну рядовым солдатом пограничной заставы на Западной границе, окончил военное училище и академию, служил в дальних гарнизонах и посвятил свою дальнейшую жизнь воспитанию молодых офицеров в пограничном училище. Свои воспоминания посвятил детям и внукам.

Содержание

Моему другу и внуку глебу	5
Детские и юношеские годы	6
Начало моей военной биографии	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Некоторые вехи моей жизни и войны

Воспоминания ветерана

Владимир Васильевич Круглов

© Владимир Васильевич Круглов, 2015

© Олег Васильевич Северюхин, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Моему другу и внуку глебу

Алма-Ата

1988 год

Задача, которую я поставил перед собой, одна: рассказать детям и внукам об условиях жизни моего поколения.

Именно дети заставили меня начать повесть о событиях моей жизни, хотя она ничего важного в истории не представляет.

Многое позабыто с годами, и время стерло из памяти имена и названия.

Детские и юношеские годы

Родился я 5 ноября 1920 високосном году в маленькой подмосковной деревушке Устиново, Ново-Петровского, ныне Истринского района. Деревня ничем не примечательна, всего 26 дворов, вытянутых в одну линию, вдоль небольшой речушки Маглуша. Но край наш красивый, как и всё Подмосковье: такие леса, просторы.

Я крестьянский сын, крестьянский внук и правнук, у меня было еще четыре брата и одна сестра. Всего мать родила одиннадцать детей, но выживали тогда только крепкие здоровьем. Я, как и все деревенские дети до снега, да и по снегу, бегал босиком. Мой самый младший брат Коля умер ребенком от того, что, бегая босиком по снегу, заболел от простуды воспалением легких. Лечили его кустарно, врачей не было, да и понятия о больнице мы тоже не имели.

Все мои предки, что ни на есть, имели земную специальность – профессию земледельца. По рассказам родителей и родственников мы в начале 20-х годов относились к зажиточной когорте людей: у нас тогда был большой, крытый железом, дом, держали домработницу, имели домашний скот: двух лошадей, коров, несколько овец, свиней, кур. Но случилась беда, приведшая нас к бедности. В один из жарких июльских дней 1924 года отец уехал с почтой в поселок Спас-Нудоль (12 км от нашей деревни), он тогда, кроме сельского хозяйства, работал на почте, мать находилась в роддоме, рожала очередного ребенка, домработница находилась в поле, жала серпом рожь. Все взрослое население нашего села тоже было занято уборкой урожая.

Дома оставались мой брат Петя – шести лет от роду, я еще не достигший четырех лет и сестра Нина, которой не было двух лет от роду. Воспользовавшись свободой, нам предоставленной, мы пододвинули стол к шкафу, поставили на него табуретку, достали из шкафа спички и стали играть: неумелыми детскими ручонками ставили на коробок вертикально спичку и ударяли по ней щелчком пальцев, спичка загорая летела, а мы любовались, надоело играть дома, вышли во двор, в котором находились, пригнанные на полдень домашние животные. Балуюсь огнем, мы подожгли солому, вспыхнул пожар, запылал наш дом и сгорело 14 домов нашей деревни, стоявшие по наветренной стороне.

Это потрясло отца, и он как слабовольный человек нашел себе утешение в употреблении алкоголя. Построил новый дом, теперь на краю деревни. Вот этот дом мне запомнился, в нем прошло моё детство и моя юность. Как сейчас помню: от дома до самой речки тянулся наш огород – земельный участок, на котором мы сажали картошку и капусту, а позади дома – всякую мелочь: огурцы, морковь, брюкву, лук, свеклу и пр.

Была у нас еще делянка, на которой выращивали рожь, лен. Кроме того, были усадьба площадью, примерно в один гектар и участок в лесу для покоса. Все это нужно было обрабатывать, и нас с малых лет приучили к труду: боронить землю, дергать руками лён, тереть его, вязать и копнить снопы ржи, ворошить сено и копнить его и т. д. и т. п.

Мне нравилось работать в поле, возиться в земле, выращивать и наблюдать, как созревает урожай, одним словом трудолюбие у меня, что называется, с детства в крови. Мне вспоминается как у нас «молотили рожь»: после сушки её в риге, снопы ржи раскладывали в два ряда колос к колосу и били цепями. Выходили все, и взрослые и дети. Любо-дорого было посмотреть, как работали: проворно, ловко, весело. Или копнить сено, так красиво копны выглядели на скошенном, но еще зеленом поле. Работая, шутили, переговаривались, а иногда и напевали. Зерно просеивали лопатой, сеяли вручную с лукошком на плече. У отца это получалось ловко: он брал горсть зерна, и, бросая его, ударял по стенке лукошка, и зерно равномерно ложилось на землю. Я без дела не сидел. Помогал во всем, даже нянчил своих младших братьев, кормил их – нажую черного хлеба, положу эту жвачку в кусок марли и

в рот ребенку, а он наестся и спит, а сам в это время на речку, благо она была рядом с домом (всего 50 метров до неё). Речка, пожалуй, была самым привлекательным для нас местом для развлечений, купались, брызгались и ловили рыбу, в основном красноперок, и сами жарили, не потроша её. Любил я и ночное с лошадьми, ярким костром, печеной картошкой и страшными историями про леших и ведьм.

Куры у крыльца дома, кошки, собаки. Помню такой казус: на религиозный праздник, на Петров или Ильин день, шел крестный ход, так называлось шествие с иконами, молитвами во главе священника. Во время такого шествия священник и его окружение, заходят в каждый дом, а гостелюбивые хозяева обязательно угощают служителей церкви, преподнося по целому стакану водки, и попу, и дьякону. Наш дом стоял почти на самом краю деревни, и пока до нас дошло церковное шествие, поп был уже изрядно пьян. Во время этого крестного хода мы с братом Петром на попа-батюшку натравили собаку, сколько было шума, ахов, охов и проклятий в наш адрес, это ж кощунство, натравить собаку на служителя Бога. Больше всего досталось брату, он был двумя годами старше меня и уже учился в школе – в первом или во втором классе. Два дня и две ночи он скрывался в копнах сена, а я носил ему еду. А что было с собакой? Её в тот же день зарезал крестный мой – дядя Гриша. С тех пор мы уже никогда собак не заводили.

Вот, пожалуй, и все развлечения моего детства в родной деревне Устиново. Иногда отец давал мне полкопейки – «грош» – на ириски. Точно не помню, но кажется на «грош» в то время можно было купить несколько штук маковых ирисок, тогда я бежал в с. Ново-Петровское – это районный поселок, в магазин и покупал самое вкусное, что есть на белом свете – маковые ириски. Это лакомство в настоящее время совсем исчезло с прилавков магазинов, а жаль.

Моя мать – Круглова Александра Яковлевна роста невысокого, неказистая, постоянно была в работе, и почему-то я помню её постоянно болеющей. Всю свою жизнь она прожила в деревне, прожила 93 года, печально то, что умирала она трудно: в 88 лет потеряла зрение – ослепла, это угнетало её и придало трудности моей сестре Нине, у которой жила мать. Долголетие её объясняется, видимо тем, что она всю свою жизнь трудилась, жила в Подмоскowie, в деревне, где свежий и чистый воздух. До замужества мать жила в с. Новоселье Псковской губернии, одно время служила господам, наверное, отсюда и душа у матери была довольно практическая.

Отец Круглов Василий Иванович высокий, услужливый, доверчивый, сговорчивый человек, прошел первую мировую и гражданскую войны, был артиллеристом в звании фельдфебеля (по-теперешнему старшина). Не было предела его радости, когда он встречал кого-либо из артиллеристов в наше время, мне не раз приходилось быть свидетелем таких встреч в Ново-Петровске перед Отечественной войной они появлялись часто, и он был весь в воспоминаниях о прошлом.

В период коллективизации сельского хозяйства отец работал, кроме сельского хозяйства, в Ново-Петровской райконторе связи, кем? Не знаю. Он закончил церковно-приходскую школу, и имел всего 3 класса, и был самым грамотным человеком на селе, что внушало к нему уважение односельчан. В силу своего характера мой отец крестьянин и крестьянский сын был замечательным человеком, очень отзывчивым. Давно его уже нет в живых, а я часто разглядываю его единственную фотографию, сохранившуюся в моем семейном альбоме.

Отец и мать познали бедность и тяжелый крестьянский труд, видимо это является причиной того, что в период коллективизации активным её участником стал мой отец, в надежде на лучшее первым вступил в колхоз, очень жаль, что надежды его не оправдались.

Подробности о родителях, и их корнях я описать не могу, никто мне об этом никогда не рассказывал. Отец ушел из жизни рано – в возрасте 60 лет. Причиной тому вторая мировая война и его непосильный труд в годы Великой Отечественной войны на должности предсе-

дателя колхоза и нельзя сбрасывать со счетов алкоголь, которым отец увлекался чрезмерно. На фронт отца не взяли, скорее по возрасту, но и в тылу он воевал: когда территория Ново-Петровского района Московской области была немецкой оккупацией – партизанил. После изгнания фашистов воевал тоже, за хлеб, за мясо, за те продукты, которые нужны были для разгрома непрощенного врага.

Коллективизацию помню смутно: переговоры, пересуды, боязнь расстаться с тем, что было нажито годами. Люди в колхоз добровольно идти не хотели, покидали насиженные места и уходили на заработки в близлежащие города области или в Москву, не понимали этой коллективизации. В деревне оставались только женщины, дети и старики, оставались потому что были привязаны к дому, хозяйству – к земле, в городе их тоже ждала неизвестность. Оставшиеся работали в колхозе ради земельных участков около дома, которые полагались только колхозникам, в колхозе они отработывали поденщину – надо было отработать определенное количество трудодней, а кормились с собственных приусадебных участков, которые обрабатывались с любовью, со всей тщательностью. Эти участки обрабатывали и мужчины, работающие на предприятиях промышленности, навещавшие свои семьи по выходные и праздничным дням. Теперь в моей деревне коренных жителей почти не осталось, все ныне проживающие это переселенцы из Рязанщины.

Родители мои, насколько я помню, жили всё время в ссоре, даже в конце 30-х годов разошлись, мать взяла свою девичью фамилию Кузнецова, но продолжали совместное проживание в одном доме, да и мало кто помнит сейчас об этом эпизоде их жизни. Отец, что ни день еле на ногах стоит, то скандал, то драка. Денег у отца никогда не водилось, и в дом он их тоже не давал. Как принято в ссорах и раздорах защищать женщину и винить мужчину, тем более пьяницу, так и мы были всегда на стороне матери. Уже став взрослыми, видели причину их ссоры в том, что отец пил и ничего не приносил домой. А почему отец пил никого не интересовало, в том числе и нас.

Родители никогда не знали, что такое моды или модные тряпки, не обзаводились мебелью и никуда, и никогда не выезжали, если не считать неудавшейся единственной попытки матери поехать на Псковщину – на свою родину, когда она с Балагоя или Великих Лук вернулась назад, а причину этого почему-то я не усвоил.

Домашняя утварь самая обыкновенная: деревянные миски, деревянные и ложки, граменные стаканы, ухват, чугуны, а больше я ничего не помню. И ели мы тоже из одной, большой – общей чашки (миски). Дом у нас никогда не запирался, мы не были к этому приучены, видимо потому, что бедно жили. Обстановка в доме самая примитивная: стол, скамейка, пара табуреток, одна деревянная кровать на всех. Холодно и пусто блистал своими двумя комнатами наш дом, выходивший фасадом к реке. Перед домом росли стройные, высокие красавицы березы, тоже отжившие теперь свой век. Так жили мои родители, а рядом с ними мы – четыре сына и одна дочь. Росли, учились и трудились. Всё это есть главное достоинство нашей семьи, её главные ценности.

Сейчас с высоты прошлых лет, я вспоминаю жизнь своих братьев и сестры, и думаю, что у нас была не типичная крестьянская семья. Старший брат Петр, окончив семилетку, стал работать в Ново-Петровской районной конторе связи контролером почтовых операций. В 1938 году был призван в ряды РККА, участвовал в Советско-Финской войне в 1939 году, был ранен. По ранению в 1940 году, перед моим призывом в армию, приезжал на побывку домой. Это была наша с ним последняя и прощальная встреча. С началом Великой Отечественной он попал в плен и там погиб.

Сестра Нина (по мужу Званецкая), окончив семилетнюю школу, ушла работать в районный центр, работала на разных должностях и в различных отраслях деятельности, но крестьянкой не стала.

Брат Виктор 14 лет от роду был отправлен родителями в Москву в ремесленное училище, был предоставлен самому себе (наша деревня была оккупирована немцами). Рано пристрастился к спиртному, и на почве алкоголя ушел из жизни насильственной смертью – посредством петли в самом расцвете сил.

Младший брат Борис рано начал трудиться, а необходимости в этом не было. Учиться не хотел, а возможности для учебы были самые благоприятны. Работая возчиком со взрослыми мужчинами нашей же деревни, и тоже научился пить, будучи почти ребенком. Затем учеба в Московском ФЗУ по окончании которого всю свою сознательную жизнь – до ухода на пенсию работал в метрострое. На почве пьянства страдает недомоганием, оставил семью.

Что нам дали родители? Чему мы у них научились? Что переняли? Наверное, ничего и ничему. Все стали зарабатывать рано, у всех разные дороги, и никто из нас не стал крестьянином.

В моей жизни не было гладкой дороги. В детские годы и годы юношества я познал горести и страдания, голод, болезни, каторжный труд и суровость войны. Моя молодость – это борьба с трудной жизнью простого человека, борьба с невзгодами, бедностью. У меня было трудное и бедное начало жизни: в 9 лет начал трудиться – выполнял всяческую работу на приусадебном участке: ходил за бороной, ворошил сено, сажал и убирал урожай, водил лошадь в ночное и приводил её, носил воду для скотины и пр., в 13 лет уже работал почтальоном деревни Устиново, за что мне платили 7 руб. 50 коп. в месяц. Это был 1933 – голодный, трудный год, люди умирали от голода прямо на улицах. Как сейчас помню, мой отец, опухший с голоду, лежал в постели, есть было абсолютно нечего, единственной пищей в то время была крапива и щавель, сваренные на воде. Мякина вместо хлеба. В это трудное время «Ванька маленький», так тогда звали Ивана Михайловича Бурова, нашего соседа (он был старше меня лет на 7 или 8), дал мне несколько капканов и научил ловить кротов. На пушнину тогда давали растительное масло, селедку, муку, крупу, сахар, махорку, папиросы и другие продукты. Этим теперь и жила наша семья, и отец поднялся, выходило так, что я стал чуть ли не главным кормильцем, и курить научился, как же взрослый человек, курил махорку. Зимой мы ходили на железнодорожную станцию Устиновка, около 3-х км. от дома, расчищать рельсы от снежных заносов, работали в основном мальчишки, такие же как я – по 14–15 лет. Все мы были крепкие, здоровые. Взрослые, как правило, устанавливали вдоль железнодорожного полотна снегозащитные (снегозадерживающие) щиты. Один год, вернее одну зиму мне пришлось работать на лесозаготовках, заготавливали для предприятий Москвы дрова. Заготавливать дрова меня взял к себе подручным всё тот же Иван Буров, который выматывал мои силенки до предела. Работали с раннего утра и до позднего вечера. Добравшись домой, буквально валился с ног, каждая косточка ныла во мне, а на утро снова в лес – на заготовку дров.

В школу пошел поздно в 1929 году, в возрасте 9 лет. В 1933 году закончил 4 класса, что дальше? Деревенская жизнь вокруг что ни на есть плачевная. Одна единственная школа, стоящая в селе Ново-Петровском, впритык к церкви, школа четырехлетняя, с одним учителем с четырехлетним образованием. Тогда в нашей стране действовал закон об обязательном четырехлетнем образовании. Большинство детей окружающих деревень: Устиново, Рыбушки, Кореньки, Головино и др. в школу не ходили, ходить было не в чем.

В 1934 году я пришел в Ново-Петровскую районную контору связи молоденьким мальчишкой, устроился работать почтальоном. Мне 14 лет, образования по сути дела нет. Как быть с дальнейшей учебой? Какое там учение в голодные годы, тем более в Ново-Петровске. Хотя это был районный центр, но в нем даже не было семилетней школы, не говоря о средней. Чтобы продолжить учебу, надо было ехать или ходить в село Никольское или Спас-Нудоль, которые находились в 12–15 км. от дома. По тем временам это далеко, транспорта никакого, ходить нужно было только пешком. Ежедневно ходить на такое расстояние – в

два конца 25–30 км. было не по силам, а снимать угол и жить в селе, где есть школа – не по карману родителям. Помню, старший брат Петр один год жил и учился в с. Никольское, окончив 5-й класс вернулся домой, и стал работать в Ново-Петровской конторе связи. Да и все дети крестьянских семей тогда начинали трудиться с малых лет.

В колхозе тогда только работали, получать что-либо на трудодни не получали, ни деньгами, ни натурой. Жили за счет приусадебных участков, находящихся в личном пользовании и побочными заработками. Это было начало отлучения крестьян от земли.

После года работы почтальоном уволился, денег, которые мне платили за работу почтальона, не хватало даже на еду. Мне хотелось стоящего дела, дела которое могло бы зажечь, встряхнуть меня. А тут подвернулось дело – учеником сапожника, на первых порах оно меня как бы увлекло, все-таки хоть какое то, но ремесло, и я пошел учиться ремеслу сапожника. Кое чему научился, даже стал самостоятельно заниматься ремонтом обуви на дому, принимал заказы, а один раз взялся самостоятельно сшить новые хромовые сапоги, и сшил их, но они почему-то протекали, т. е. пропускали воду через подошву. Может быть, я работал бы и дальше, научился бы исполнять заказы качественно, но мне надоело бегать за водкой для мастеров, которые посылали меня за ней при каждом заработанном «налево» рубле. К тому же в знак благодарности зельем этим угощали и меня.

Родители нас не баловали. Желания наши тоже не выполнялись. Отказался работать на почте, ушел из сапожной мастерской, паси скотину. Пошел подпаском (помощником пастуха) в деревню Ульево. Взял меня пастух, очень жаль, что не помню его ни фамилии, ни имени, перед этим он пас скотину в нашей деревне. Какая это оказывается трудная и нераспространенная работа – пасти скот, ни отдыха тебе, ни покоя: то корова телится, то овца ягнится, ты бежишь сломя голову в деревню, чтобы известить об этом хозяина, а если уснешь ненадолго, корова молока мало даст, виноват пастух. Набрался за лето упреков, и дал зарок не касаться никогда этого дела. Да и должность пастуха не обогащала никак ни духовно, ни материально.

В 1936 году вновь вернулся в Ново-Петровскую районную контору связи, и так я снова почтальон. Начальником конторы связи в то время был Павлов Сергей Николаевич, человек вдумчивый, с передовыми взглядами, он организовал при конторе связи вечернюю школу и заставил нас учиться. Работая почтальоном, я закончил 6-й класс неполно-средней школы. Работа и учеба теперь стали смыслом моей жизни. К этому времени в Ново-Петровске была открыта средняя школа, 7-й класс я заканчивал при этой школе. Постепенно, по крупицам набирался знаний, опыта, решительности, выдержки, сам не заметил, как пролетело время.

В 1938 году я уже работал сортировщиком корреспонденции. Сколько я познал тогда. Корреспонденция (письма) шла во все концы нашей великой Родины, а сортировались письма вручную: сколько перед моим взором прошло городов, сел, больших, маленьких, значительных и незначительных.

В 1936 году я вступил в комсомол, а в 1938 году меня избрали секретарем комитета комсомола первичной комсомольской организации Ново-Петровской райконторы связи, а в 1939 году был избран еще и председателем рабочего комитета профессионального союза работников связи.

Активное участие в общественной жизни помогло мне полнее и глубже ощутить свою причастность ко всему, что происходило в районе, области, стране. Общественной работой у нас были заняты все комсомольцы: вели культурно-просветительную работу в организациях, на предприятиях, руководили политкружками, участвовали в расчистке железной дороги от заносов снега, в добыче торфа для Шатурской электростанции, в кружках художественной самодеятельности и пр. и пр. Я был, пожалуй, самым активным участником художественной самодеятельности. Характерно то, что нашим кружком художественной самодеятельности или как называли его – драмкружком руководила специалист – артистка Московского камер-

ного театра Могутина Августа Ивановна, человек влюбленный в дело, которому посвятила свою жизнь и свою любовь к театру прививала и нам. Мне пришлось под её руководством сыграть несколько ролей в различных спектаклях и водевилях. До сих пор сохранились в памяти моей роли: Стёпы окулиста в пьесе «Платон Кречет», роль сыгранная в пьесе «Чужой ребенок», в водевиле «Под дикой яблоней». Сыграл заглавную роль в пьесе «Огни маяка», причем роль Якутина выучил за три дня до её постановки. Не имея ни малейшей склонности к актерству, эту ведущую роль играл на сцене Ново-Петровского дома культуры без репетиции, надо срочно заменить игравшего эту роль Смирнова. Я не помню, по какой причине он не мог играть этот спектакль: по болезни ли или он проводил судебный процесс – Смирнов работал народным судьей, а процессы тогда, это был 1938 год, были обычным явлением. Участвуя в драмкружке я как бы открывал в себе себя, свои возможности, учился искусству, быть подвижным, активным. Помню, как выезжали драмкружком в глухие уголки нашего района – на предприятия, фабрики, с собой возили плакаты, листовки, популярные брошюры по текущим вопросам политики и экономики страны, и даже распространяли лотерейные билеты. Кроме того, приходилось часто проводить собрания в деревнях. Я и теперь часто, и с волнением вспоминаю наш драмкружок, кружок художественной самодеятельности. У нас было много умных, бойких, красивых девушек. Мы вместе репетировали, играли на сцене. У меня было много возможностей подружиться с девушкой, но я дружил со всеми. Робость не исключая, ибо боялся, что ли, оставаться с девчонкой наедине: а вдруг скажу что-либо не то, неуместное, позволю себе то, что оскорбило бы девушку?

А жили впроголодь, ту же подпоясывали ремнями исхудавшее тело, не хватало хлеба, но каждое поручение, будь то агитация за коллективизацию, за выборы в Верховный и местные Советы депутатов трудящихся, организация драмкружка, проведение собраний, митингов, строительство стадиона и пр. мы рассматривали как возможность воспитать в себе такие качества как стойкость и мужество, дисциплинированность. Мы были молоды, но очень дисциплинированными и удивительно, что были мы очень дружны. Работали, не поглядывая на часы. Да и часов-то тоже почти ни у кого не было. У меня сохранилось в памяти, как райком комсомола послал меня в ближайшие от районного центра деревни с агитацией по мобилизации молодёжи на ликвидацию топливного голода. Подмосковная Шатурская электростанция из-за недостатка топлива могла остановиться, тогда Москва оставалась бы без электроэнергии. Я ходил по селам и агитировал молодёжь, шел 1940 год, комсомольских организаций в селах в то время не было или почти не было. Обойдя село, я набирал 3–5 человек желающих заработать, и, возглавив набранную бригаду, поехал с ней сам в город Шатурсу добывать торф. Работа протекала в сложных условиях: скудное питание, по колена в воде и в грязи, сон под открытым небом при обилии комаров, и никаких культурных развлечений, кино вообще тогда было редкостью. Но стране нужно было топливо, и мы добывали его, не считаясь с трудностями. Слов «не хочу» или «не могу» не существовало для нас. Это было действительно трудное и славное время.

Молодость – пора становления человека. Пора накопления знаний, опыта, пора духовной закалки. Я стараюсь вспомнить и помню свою молодость, и надеюсь, уверен, что я не делал глупостей. Один мой порок – это то, что я был и остался, теперь уже до конца моих дней, не практический человек, всегда пользовался тем, что было сделано людьми до меня.

Будучи вожаком комсомольской организации, узнал о шефстве комсомола над Военно-Морским Флотом СССР, и у меня загорелось желание стать моряком, и обязательно командиром, благо с семилетним образованием в довоенные годы принимали в военные училища. Подал заявление в райком комсомола, вернее мне предложил это сделать бывший в то время секретарем райкома комсомола Василий Родионов, тогда райкомы комсомола занимались подбором комсомольцев для направления их в военно-морские училища. Почему меня потянуло на военную службу? Обстановка в мире была сложная, то в одном, то в другом пункте

земного шара вспыхивали конфликты. Напряженно жила и наша страна: в 1938 году бои с японскими милитаристами на озере Хасан, в 1939 году – на реке Халхин-Гол, в 1939–1940 г. г. война с Финляндией, еще раньше война в Абиссинии – Испания, Мюнхенский сговор и пр. и пр.

Я не очень разбирался в политике, в её тонкостях, но из всех чувств, мыслей и стремлений, которые владели мною, сильнейшим было одно – быть там, где трудно, где опасно. Хотелось, чтобы мною восхищались, что вот, мол деревенский парень, сын крестьянина Василюванов Володька (у нас в деревне всех называли по имени отца или матери, или по прозвищу: Василюванов, вместо Круглов, Акулинина, вместо Карасевой, Ванька Огородников – настоящая фамилия Селифонов и т. д., учится на командира. Сейчас этим уже никого не удивишь. Теперь подавляющее число студентов ВУЗов страны, в том числе и высших военных учебных заведений, из крестьянских и рабочих семей.

Тайком от родителей, думал порадовать их, летом 1939 года я деревенский парнишка, по путевке райкома комсомола я предстал в Москве перед мандатной комиссией, вступительных экзаменов не сдавали, чтобы стать курсантом военно-морского училища. Райком комсомола меня рекомендовал, дал путевку, и он же меня подвел. По халатности или невнимательности исполнителей не было внесено в мою учетную карточку изменение об образовании. В комсомол я вступил в 1936 году, имея образование 5 классов, а ко времени поступления в училище я уже закончил 7 классов, что не нашло отражения в делах комсомольских. До сих пор, как укор, стоят в памяти слова лысого, с суровым взглядом из-под очков капитана 1-го ранга, видимо председателя мандатной комиссии: «Армии и Флоту безграмотные люди не нужны». Он же не знал моих способностей, так как по путевке комсомола в училище зачислялись без экзаменов. Я же не мог доказать свое действительное образование, документов с собой не было. Комиссия работала в Москве, а поезда в то время в Ново-Петровское ходили один раз в сутки: утром в Москву, вечером из Москвы. Стало быть, повторно мог приехать только на второй день, да и нужды в этом не было, выбор у них был большой и со мной никто не хотел разговаривать. Молодёжь была патриотически настроенной, шла служить с охотой.

После неудачи, постигшей меня с поступлением в военно-морское училище, я вновь с головой ушел в работу, теперь уже в новом качестве. Я был переведен на должность заведующего Райбюросоюзпечати все в той же Ново-Петровской конторе связи Московской области. Поначалу было трудно, новая работа, большая общественная нагрузка тоже новая, был избран председателем рабочего комитета профессионального союза работников связи, новые отношения с людьми. Пересиливая себя, постепенно втянулся. Эта работа меня захватила полностью: работа с общественными распространителями печати, с активом района. Я заведующий Райбюросоюзпечати, председатель рабочкома, секретарь комитета комсомола. Коммунисты первичной партийной организации райконторы связи рекомендуют и готовят меня для вступления кандидатом в члены ВКП (б). Готовлюсь для вступления в партию. Принят первичной партийной организацией, а райком партии отказал по политическим мотивам в приеме кандидатом в члены ВКП (б). Что за мотивы? Точно не помню, в феврале или марте 1940 года были назначены выборы в местные Советы депутатов трудящихся. Я активный агитатор по выборам. В нашем, Ново-Петровском районе, выходила газета «Колхозная жизнь», и вот в разгар избирательной компании выходит газета, на первой странице которой заглавными буквами по вине наборщиков и корректора типографии, было напечатано «Избирательная компания качалась», вместо «началась». Эта газета большим тиражом пошла подписчикам, а в районе было одиннадцать агентств связи и один киоск союзпечати. В эти агентства связи и киоск союзпечати была направлена газета для доставки подписчикам и розничной продажи. Правда, до подписчиков дошло небольшое количество, которые были изъяты, а вот кому была продана газета розничной продажей, установить было трудно. Меня

обвинили только в том, что я, не читая газеты, разрешил её продавать и доставлять подписчикам. Вины моей здесь нет. Однако, при приёме кандидатом в члены ВКП (б) упрек мне сделали, доказательства, что в таком случае я должен читать и все поступающие к нам центральные газеты, во внимание не брались и комментарии по этому вопросу были излишни. Особенно на мою политическую близорукость уповал уполномоченный НКВД.

Мне часто приходилось выступать перед своими сверстниками, совсем молодыми ребятами и девчонками, только начинающими свой жизненный путь. И каждый раз думал: пригодится ли кому-нибудь мой небогатый жизненный опыт. Рассказывать приходилось об индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, о стройках первых пятилеток, о товарищах, о тех, кто сражался на озере Хасан, реке Халхин-Гол, второй мировой войне, её начале. Вначале получалось очень плохо, или вообще не получалось выходить на трибуну и говорить перед большой аудиторией. Постепенно освоился, и что очень важно, оказанное доверие поставили меня перед необходимостью по-новому осмыслить свое место в жизни, свое отношение к людям, а это не так просто сделать, когда тебе нет еще и 20 лет.

Ко мне как председателю рабочкома и секретарю комитета комсомола часто заходили люди, делились своими мыслями, я всех выслушивал, старался помочь словом и делом. У нас хорошо была поставлена комсомольская работа: спорт, военная игра, кружок текущей политики, художественная самодеятельность. Плюс к этому почти все учились, кто в школе рабочей молодёжи, кто в техникумах и ВУЗах. К знаниям тянулись почти все, с кем я был близок по производственной и общественной работе, и все начали рано работать. Нелегко было после работы садиться за конспекты, готовиться к очередному занятию, а еще общественная работа, погулять хотелось, годы-то молодые. Но в учебе мы видели перспективу, цель. А когда ясно видишь перед собой цель, трудности отступают. Так работал, учился, занимался общественными делами. Время было такое: молодые и минуты не проводили попусту, старались использовать все свободное время для учебы, самосовершенствования, физической закалки, приобретения полезных навыков.

Конечно, без совета, постоянной помощи не обходилось. В памяти моей навсегда остались начальник конторы связи Измайлов Николай Петрович. Он пришел к нам в 1936 году после демобилизации из Красной Армии, в звании заместителя политрука. Как-то я привязался к нему и даже увязался за ним, не пропускал ни одного его слова. Мы с ним подружились, несмотря на возрастную разницу. Подружился я и секретарем Ново-Петровского райкома комсомола Василием Родионовым, с редактором радиовещания Настей Хрустальной и многими другими работниками районного звена. Друзья мои, наставники научили меня грамоте, дали рекомендацию в комсомол, помогли овладеть искусством трудиться. Если говорить откровенно, то мне всю жизнь везло на хороших людей.

Много было и непонятного. Когда я стал заведующим райбюросоюзпечати, то по роду работы, мне пришлось чаще обращаться в партийные органы, общаться с партийными, советскими и хозяйственными руководителями района. И когда по утрам, придя на работу, слышал, что сегодня ночью «взяли того-то» и за «то-то», верил сверхпатриотам, которые утверждали, что «всех пересажать надо». В 1938 году так взяли директора машинотракторной станции Павленко, я хорошо знал его сына, который учился в 10 классе Ново-Петровской средней школы и, конечно, был отчислен из школы, как сын врага народа. Арестовали Главврача Ново-Петровской больницы и др. Эти «взятые», без суда и следствия, бесследно исчезли.

В годы коллективизации из моей родной деревни Устиново раскулачили три семьи, вернее обезглавили три семьи. Семьи оставили, а глав семей изолировали. Из трех арестованных действительным негодяем был только один – Виноградов Иван Иванович, он то и не исчез, в его защиту, и по вызволению из мест заключения, а затем на состоявшемся суде в качестве защитника своего отца выступил, подвизавшийся в адвокатуре, сын тоже Иван

Иванович, и подлинный враг народа был реабилитирован судом. В годы оккупации нашей территории немецко-фашистскими войсками Виноградов И. И. стал старостой.

Теперь, когда я познал жизнь, много открылось по-иному. Теперь я могу смело сказать: в те годы каждого умного человека подозревали и особенно если этот умный человек находился на высокой должности и имел своё собственное мнение.

Начало моей военной биографии

30 сентября 1940 года меня подстригли под машинку, и до чего было интересно ощупывать свою голову. Я уходил в Красную Армию, в какие войска, не знал, просто уходил служить Родине. Провожали нас весело, нас – это меня и моего односельчанина Васю Исаева. Нам говорили какие-то напутственные слова, желали скорого возвращения и прочая ... Предчувствуя, что скоро не вернусь, или вовсе не вернусь – во многих уголках земного шара шли боевые действия – впервые в жизни объяснился я в любви девушке Тане, которую любил давно. Любил без взаимности, поклонников у неё было больше чем достаточно, и все-таки, я получил от неё согласие, пока на переписку.

К месту службы путь был долгий. Ехали до места назначения больше 10 суток. Отправляли нас не с вокзала, а с какого-то тупика города Москвы, в теплушках (товарных вагонах). Все или почти все мы были в хорошей одежде, в которой должны были вернуться домой по окончании службы. В 1940 году нарком обороны маршал советского Союза Тимошенко издал приказ о хранении личных вещей военнослужащих срочной службы в воинских частях весь срок службы, а при увольнении в запас военное обмундирование подлежало сдаче, вернуться домой после 3 лет службы надлежало в своей одежде. Вот и ехали все в хорошем одеянии. Много было нареканий, недовольств, в те предвоенные годы военнослужащие их форма одежды пользовались особым уважением, и поэтому каждому из нас хотелось вернуться домой именно в военной форме. Никто тогда не думал о войне.

Это была моя первая в жизни дальняя дорога. Дальше Москвы – 76 км., я никогда не ездил. Сколько было человек в вагоне? Не помню, да и значения этому не придавал. Но было очень тесно и душно. Удобств, разумеется, никаких. Быстро перезнакомились, народ собрался что ни наесть самый разнообразный. Объединяло лишь одно, что все были или из самой Москвы, или из Подмосковья. До места назначения добирались с приключениями, и даже с неприглядными поступками, что омрачало и огорчало многих. Много было москвичей уже познавших жизнь, избалованных, умеющих изворачиваться, некоторые с деньгами: на остановках, а их было много, спрыгнув на перрон, бежали к палаткам (ларькам) или на привокзальные базары, иные покупали, иные грабили (воровали), покупали спиртное, а выпив устраивали дебоши, сочиняли непристойности и сквернословили. Нас, деревенских, считали людьми мелкого пошиба. В конечном итоге дело дошло до того, что с прибытием нашего эшелона на очередную станцию закрывались торговые точки и привокзальный рынок. Мы были лишены возможности купить что-либо съестного, а кормили нас горячей пищей только 3–4 раза за всю дорогу. Первый раз в Киеве. Путь наш лежал на Западную границу – 95 пограничный отряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.